

ратъ. Безмолвно, глазами говорять они другъ другу всю истину, а уста ихъ, эти лживыя человѣческія уста, произносятъ совсѣмъ другое. „Глаза этихъ двухъ людей встрѣтились и говорили другъ другу многое, не выразимое словами, и ужъ совсѣмъ не то, что говорилъ переводчикъ. Они прямо, безъ словъ, высказывали другъ другу всю истину. Глаза Воронцова говорили, что онъ не вѣрить ни одному слову изъ всего того, что говорилъ Хаджи-Муратъ... И Хаджи-Муратъ понималъ это, и все таки увѣрялъ въ своей преданности. Глаза Хаджи-Мурата говорили, что старику этому надо бы думать о смерти, а не о войнѣ, но что онъ, хоть и старъ, но хитеръ, и надо быть осторожнымъ. И Воронцовъ понималъ это, и все-таки говорилъ Хаджи-Мурату то, что считалъ нужнымъ для успѣха войны“. Таково это разногласіе въѣчный поединокъ, въ которомъ находятся уста и глаза...

Но отъ всей этой разоблаченности, отъ всякихъ неэффектныхъ ситуаций, отъ ординарности и домашности не исчезаетъ и не слабѣетъ то оправданіе человѣка, которое составляетъ высшій бодрящій смыслъ произведеній Толстого. Безпощадно изобличая, неотвратимо преслѣдуя себя и другихъ всепроникающей зоркостью, не позволяя никому ни малѣйшаго лицемѣрія, онъ, однако, не пришелъ къ скептицизму, къ отрицанію людей, къ міровоззрѣнію Ларошфуко. Онъ едва ли повторилъ бы слова: „кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ